

Все, конечно, знают заповедь «Не убивай», которая казалось бы воспрещает брать в руки оружие. Но Господь дал нам и другую заповедь: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». (Ин. 15. 12,13). Воин-христианин берет оружие не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы защищать тех, кто не может себя защитить. Воин идет умирать, чтобы другие жили. Это подвиг. Об этом говорили и св. отцы и учителя Церкви, например Афанасий Великий: «Ибо и в других случаях жизни обретаем различие, бывающее по некоторым обстоятельствам, например: не позволительно убивать; но убивать врагов на поле брани, и законно и похвалы достойно. Тако великих почестей сподобляются доблестные в брани, и воздвигаются им памятники, возвещающие превосходные их деяния». (Послание Афанасия Великого к Аммуну монаху. Книга Правил). Церковь высоко чтит воинский подвиг, поэтому так много святых среди воинов: Георгий Победоносец, Феодор Стратилат, князь Александр Невский, князь Дмитрий Донской, адмирал Федор Ушаков...

Современные СМИ, орудие вкрадчивой пропаганды, целенаправленно наносят урон моральному авторитету армии. Но защищать свою Родину — святой долг каждого воина. Нельзя забывать, что «Война явление страшное, но еще более страшное явление — это *поражение*, и пока человечеством не найдены решения для предотвращения войн, надо напрягать все усилия, чтобы это поражение не случилось. Поэтому государству необходима здоровая армия, надежно обеспеченная, национально воспитанная и прекрасно обученная, вот почему важно использование всякого опыта, дабы его не покупать, когда случится, ценой крови...»

[\[1\]](#)

Библия — всеобъемлющая книга, в ней много говорится о воинском служении. В Книге Чисел мы видим описание формирования Армии израильского народа:

И сказал Господь Моисею в пустыне Синайской, говоря: исчислите все общество сынов Израилевых по родам их, по семействам их, по числу имен, всех мужеского пола поголовно: от двадцати лет и выше [\[2\]](#), всех годных для войны у Израиля, по ополчениям их исчислите их — ты и Аарон; с вами должны быть из каждого колена по одному человеку, который в роде своем есть главный

[\[3\]](#)

. И взял Моисей и Аарон мужей сих, которые названы поименно, и собрали они все общество. И объявили они родословия свои, по родам их

[\[4\]](#)

, по семействам их, по числу имен, от двадцати лет и выше, поголовно

[\[5\]](#)

, как повелел Господь Моисею. И сделал он счисление им в пустыне Синайской. (Числа. 1. 1-4,17-19).

И сказал Господь Моисею, говоря: только колена Левиина не вноси в перепись, и не исчисляй их вместе с сынами Израиля; но поручи левитам скинию откровения и служат при ней, и около скинии пусть ставят стан свой; и когда надобно переносить скинию, пусть поднимают ее левиты, и когда надобно остановиться скинии, пусть ставят ее левиты, [\[6\]](#) а если приступит кто посторонний, предан будет смерти. Сыны Израилевы должны становиться каждый в стане своем и каждый при своем знамени [\[7\]](#)

, по ополчениям своим; а левиты должны ставить стан около скинии откровения, чтобы не было гнева на общество сынов Израилевых, и будут левиты стоять на страже у скинии откровения. И сделали сыны Израилевы; как повелел Господь Моисею. (Числа 1. 48-54)

Когда пойдет скиния собрания, стан левитов будет в середине станов [\[8\]](#). Как стоят, так и должны идти, каждый на своем месте при знаменах своих. (Числа 2. 7)

И сказал Господь Моисею, говоря: сделай себе две серебряные трубы, чеканные сделай их, чтобы они служили тебе для созывания общества и для снятия станов; и когда пойдете на войну в земле вашей против врага, наступающего на вас, трубите тревогу [\[9\]](#) трубами, – и будете воспомянуты пред Господом, Богом вашим, и спасены будете от врагов ваших. (Числа 10. 1,2,9)

После того как умерли все, которые прогневали Господа и не должны были войти в землю обетованную, Господь повелевает: «Исчислите все общество сынов Израилевых от двадцати лет и выше, по семействам их, всех годных для войны у Израиля» (Числ. 26, 2). Когда это было сделано, «сказал Господь Моисею, говоря: сим в удел должно разделить землю по числу имен» (Числа 26, 52-53).

Господь повелевает, чтобы в первую очередь, земельные наделы давались тем, кто несет воинское служение.

Большой интерес представляет описание военных действий в 31-й главе книги Чисел:

И сказал Господь Моисею, говоря: отмсти Мадиянитянам за сынов Израилевых. И сказал Моисей народу, говоря: вооружите из себя людей на войну, чтобы они пошли против Мадиянитян, совершить мщение Господне над Мадиянитянами; по тысяче из колена, от всех колен [сынов] Израилевых пошлите на войну. И выделено из тысяч Израилевых, по тысяче из колена, двенадцать тысяч вооруженных на войну [\[10\]](#) . И послал их Моисей на войну, по тысяче из колена, их и Финееса, священника, на войну, и в руке его священные сосуды и трубы для тревоги [\[11\]](#) .

. И пошли войною на Мадиама, как повелел Господь Моисею, и убили всех мужеского пола; и все города их во владениях их и все селения их сожгли огнем; и взяли все захваченное и всю добычу, от человека до скота; и доставили пленных и добычу и захваченное к Моисею и к Елеазару священнику и к обществу сынов Израилевых (Числа. 31. 1-7, 9-12). И пришли к Моисею начальники над тысячами войска, тысяченачальники и стона начальники

[\[12\]](#) , и сказали Моисею: рабы твои сосчитали воинов, которые нам поручены, и не убыло ни одного из них (Числа 31, 48-50).

Эта операция прошла без потерь со стороны Израиля. Исторический опыт богоизбранного народа израильского и русского боголюбивого народа свидетельствует, что покорность воле Божией приводит к блестящим победам, а противление — к тяжелым катастрофам.

Интересно отметить, что самые древние фрагменты Евангелия обнаружены на местах воинских лагерей. Этот факт говорит о том, что воинская среда оказалась наиболее восприимчивой к учению, принесенному на землю Господом нашим Иисусом Христом, может быть, именно потому, что христианство предъявляет к воинскому служению очень высокие требования.

Одним из явных признаков, по которому можно судить о праведности или несправедливости воюющих, являются методы ведения войны, а также отношение к пленным и мирному населению противника, особенно детям, женщинам, старикам. Даже защищаясь от нападения, можно одновременно творить всяческое зло и в силу этого по своему духовному и моральному состоянию оказаться не выше захватчика. Война должна вестись с гневом праведным, а не с жаждой мести, злобой, алчностью, насилием. На вопрос воинов, которые спросили: «А нам что делать?» великий пророк Иоанн Креститель ответил: *«Никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованием»* (Лк. 3. 14).

Наиболее правильную оценку войны как подвига или, напротив, разбоя можно сделать, лишь исходя из анализа нравственного состояния воюющих. *«Не радуйся смерти человека, хотя бы он был самый враждебный тебе: помни, что все мы умрем»*, — говорит Священное Писание (Сир. 8. 8). Гуманное отношение к раненым и пленным у христиан основывается на словах апостола Павла: *«Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром»* (Рим. 12. 20-21).

Обратимся к опыту наших недавних предков, которые ставили себе задачей воплотить эти высокие требования в жизнь, учили им своих солдат и создавали российское христоролюбивое воинство. Первый к чьему опыту можно обратиться — это А.В. Суворов. Во времена Суворова бой был рукопашным, казалось бы более жестоким, чем когда противники не видят друг друга, но тогда люди не ожесточались. Почему? Об этом, то есть о сохранении души солдата от ожесточения, конечно, много думал прославленный полководец. Вот что мы можем почерпнуть из его богатейшего наследия: «Обывателя не обижай, он нас кормит и поит; солдат не разбойник». Александр Васильевич был

глубоко верующим православным христианином и, конечно прекрасно знал священное писание, поэтому он и употребил то же слово «не обижай», что и Иоанн Креститель.

Вот еще пример: «В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолетков не трогать».

Российское христолюбивое воинство всегда отличалось не только милосердием, но и исключительным благородством. Нравственное влияние Суворова сказывалось на всех, и на солдатах, и на генералах, которые имели счастье служить под его командованием. Так, ученик Суворова, знаменитый полководец князь Багратион, говорил: «Офицерский корпус, чувствующий высоту своего назначения, никогда не потерпит в обществе своем товарища, унижающего честь подчиненного».

Все выше сказанное в первую очередь относится к вооруженным силам, однако в Священном Писании имеются указания, непосредственно обращенные и к органам правопорядка. Прежде чем сослаться на Св. Писание, хочется подчеркнуть одну характерную черту, которую тонко подметил в свое время французский писатель В. Гюго: «Общество защищает тех, кто на него нападает, и нападает на тех, кто его защищает». Те, кто защищает общество от насилия, нуждаются в том, чтобы их самих защищали от насилия СМИ и т.п.

Апостол Павел жил в языческом государстве, в котором христианство жестоко

преследовалось, а милосердие считалось слабостью. Тем не менее, он в послании к христианам, жившим в Риме, писал:

«Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие власти от Бога установлены, Поэтому противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее; Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь». (Рим. 13. 1-5,7).

Начальник есть Божий слуга, но служение Богу является для каждого высокой честью и предъявляет высокие требования. Какие? В качестве примера обратимся к образу Петра Аркадьевича Столыпина, который все еще не оценен историей в должной мере ни как героическая личность, ни как выдающийся государственный деятель.

Напомним, что в период его служения на высших государственных постах, в России бушевала революция 1905 года, сопровождавшаяся террором, погромами и убийствами. Революционеры, несмотря на их жестокость, поддерживали широкие круги интеллигенции, а также люди, принадлежавшие к обеспеченным слоям населения.

В бытность саратовским губернатором, Столыпин неоднократно выступал перед распрогандированной и возбужденной толпой. Вот как об этом вспоминает его дочь.

«Мой отец, со своей стороны, стал всё чаще и чаще предпринимать поездки по губернии, являясь само лично и почти всегда неожиданно в местах, где сильнее всего бурлило недовольство, и где энергичнее всего работали вожаки левых партий. Он безоружным входил в бушующую толпу, и почти всегда одно по явление его, спокойный и строгий его вид, так действовали на народ, что страсти сами собой утихали, и за минуту до того галдевшая и скандалившая толпа расходилась успокоенная по домам. Речи его были кратки, сильны и понятны самому простому рабочему и крестьянину, и действовали они на разгоряченные умы отрезвляюще. Но что ему самому стоило всё это — того не знал, должно быть, никто. Я помню, как он писал маме после одной из опасных поездок в центр смуты, Балашов.

— Теперь я узнал, что значит истерический клубок в горле, сжимающий его и мешающий говорить, и понял, какая воля требуется, чтобы при этом не дать дрогнуть ни одному мускулу лица, не поднять голоса выше желательного диапазона.

Был и такой случай, когда слушавшие папа бунтари потребовали священника и хоругви и тут же отслушали молебен».

В одну из поездок П.А. Столыпин « прямо из вагона пошел пешком в село, где его ожид

ал народ. Из толпы выделился какой-то парень с крайне возбужденным и далеко не доброжелательным лицом и направился прямо на моего отца. Сначала он шел нерешительно, но когда увидел что отец идет совсем один, без полиции, он нагло поднял голову и, глядя прямо в лицо отца, собирался говорить, как вдруг услышал спокойный и повелительный голос отца.

— Поддержи мою шинель!

И этот человек, мечтавший о том, как бы по больше зла нанести моему отцу, послушно взял шинель и так и простоял, держа ее на руках все время, пока мой отец говорил речь» [\[13\]](#) .

Известно утверждение, что каждый народ имеет правительство, которого заслуживает. Обычно эту истину толкуют в негативном смысле: если правительство плохо, то и народ плохой. Но это утверждение справедливо и с другой точки зрения: каким же необыкновенным должен быть народ, если из его среды выдвигаются выдающиеся правители?

У каждого человека имеются недостатки, то же можно сказать и о любой социальной, национальной, государственной и т.п. общности людей. Но ценить человека, общество, государство следует не за отсутствие недостатков, а за величие достижений. Исходя из этого критерия, обратимся к нашей истории. В качестве примеров рассмотрим несколько

событий, произошедших сравнительно недавно.

Император Александр III вступил на престол после того, как 1 марта 1881 года его отец, император Александр II, был убит террористами. Ближайшее окружение молодого монарха растерялось, но сам император Александр III относился к тому редкому типу людей, которые не поддаются влиянию страха и решительно идут навстречу опасности. Приведем отрывок из воспоминаний его двоюродного брата, великого князя Александра Михайловича:

«Мы обязаны Британскому правительству тем, что Александр III очень скоро выказал всю твердость своей внешней политики. Не прошло и года по восшествии на престол молодого Императора, как произошел серьезный инцидент на русско-афганской границе. Под влиянием Англии, которая со страхом взидала на рост русского влияния в Туркестане, афганцы заняли русскую территорию по соседству с крепостью Кушкою. Командир военного Округа телеграфировал Государю, испрашивая инструкций. «Выгнать и проучить как следует» — был лаконический ответ из Гатчины. Афганцы постыдно бежали, и их преследовали несколько десятков верст наши казаки, которые хотели взять в плен английских инструкторов, бывших при афганском отряде. Но они успели скрыться.

Британский Ее Королевского Величества посол получил предписание выразить в С.-Петербурге резкий протест и потребовать извинений.

— Мы этого не сделаем, — сказал Император Александр III и наградил генерала Комарова, начальника пограничного отряда, орденом Св. Георгия 3-й степени. — Я не допущу ничьего посягательства на нашу территорию, — заявил Государь.

Гирс (министр иностранных дел Российской империи — авт.) задрожал.

— Ваше Величество, это может вызвать вооруженное столкновение с Англией.

— Хотя бы и так, — ответил Император.

Новая угрожающая нота пришла из Англии. В ответ на нее Царь отдал приказ о мобилизации Балтийского флота. Это распоряжение было актом высшей храбрости, ибо британский флот превышал наши морские вооруженные силы по крайней мере в пять раз.

Прошло две недели. Лондон примолк, а затем предложил образовать комиссию для

рассмотрения русско-афганского инцидента [\[14\]](#) .

Европа начала смотреть другими глазами в сторону Гатчины. Молодой русский Монарх оказался лицом, с которым приходилось серьезно считаться Европе.

Виновницей второго инцидента оказалась Австрия. Венское правительство противилось нашему «непрерывному вмешательству в сферу влияния Австро-Венгрии» на Балканах, и австро-венгерский посол в С.-Петербурге угрожал нам войною.

На большом обеде в Зимнем дворце, сидя за столом напротив Царя, посол начал обсуждать докучливый балканский вопрос. Царь делал вид, что не замечает его раздраженного тона. Посол разгорячился и даже намекнул на возможность, что Австрия мобилизует два или три корпуса. Не изменяя своего полунасмешливого выражения, Император Александр III взял вилку, согнул ее петлей и бросил по направлению к прибору австрийского дипломата:

— Вот, что я сделаю с вашими двумя или тремя мобилизованными корпусами, – спокойно сказал Царь.

— Во всем свете у нас только два верных союзника, — любил он говорить своим министрам: — наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас». [\[15\]](#)

В наше время это изречение Императора Александра III следует изменить: «Во всем свете у нас только два верных союзника — Русская Православная Церковь и Российские Вооруженные Силы». Это два крыла, на которых Россия сможет взлететь на ту высоту, на которой она должна находиться по праву.

Возрождение в нашем обществе высокого представления о том, что служба в Вооруженных Силах и в органах правопорядка есть именно служение угодное Богу, потому что «начальник есть Божий слуга», возможно только при условии, что возродится вера в самых широких слоях нашего народа. Только на этом пути можно добиться и повышения престижа воинской службы, и возрождения славных воинских традиций, и процветания нашей Родины.

РАССКАЗ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Происшествие в русско-турецкую войну 1877-1878 гг.

(Из книги В. С. Соловьева «Три разговора». Печатается в сокращении)

...Во всей моей жизни был только один случай, который и мелким назвать нельзя, а главное, я наверное знаю, что тут уже никаких сомнительных побуждений не было, а владела мною только одна добрая сила. Единственный раз в жизни я испытал полное моральное удовлетворение и даже в некотором роде экстаз, так что действовал я тут без всяких размышлений и колебаний, и осталось это дело до сих пор, да, конечно, и навеки останется, самым лучшим, самым чистым моим воспоминанием. Ну-с, и было это мое единственное доброе дело — убийством, и убийством немалым, ибо убил я тогда в какие-нибудь четверть часа гораздо более тысячи человек...

Не руками моими я убивал, не моими грешными руками, а из шести чистых непорочных стальных орудий, самую добродетельною картечью... Не стану же я называть добрым делом простое истребление тысячи людей, будь они немцы или венгерцы, или турки. А тут было дело совсем особенное. Я и теперь не могу равнодушно рассказывать, так оно мне душу выворотило.

Я был на левом фланге и командовал передовым разведочным отрядом. Были у меня

нижегородские драгуны, три сотни кубанцев и батарея конной артиллерии. — Страна невеселая — еще в горах ничего, красиво, а внизу только и видишь, что пустые, выжженные села да потоптанные поля. Вот раз спускаемся мы в долину, и на карте значится, что большое армянское село. Ну, конечно, села никакого, а было действительно порядочное, и еще недавно: дым виден за много верст. А я свой отряд стянул, потому что, по слухам, можно было наткнуться на сильную кавалерийскую часть. Я ехал с драгунами, казаки впереди. Только вблизи села дорога поворот делает. Смотрю, казаки подъехали и остановились как вкопанные — не двигаются. Я поскакал вперед; прежде чем увидел, по смраду жаренного мяса догадался: башибузуки свою кухню оставили. Огромный обоз с беглыми армянами не успел спастись, тут они его захватили и хозяйничали. Под телегами огонь развели, а армян, того головой, того ногами, того спиной или животом привязали к телеге, на огонь свесили и потихоньку поджаривали. Женщины с отрезанными грудями, животы вспороты. Уже всех подробностей рассказывать не стану. Только одно вот и теперь у меня в глазах стоит. Женщина навзничь на земле за шею и плечи к тележной оси привязана, чтобы не могла головы повернуть, — лежит не обожженная и не ободранная, а только с искривленным лицом — явно от ужаса померла, — а перед нею высокий шест в землю вбит, а на нем младенец голый привязан — ее сын, наверное, — весь почерневший и с выкатившимися глазами, а подле и решетка с потухшими углями валяется. Тут на меня сначала какая-то смертельная тоска нашла, на мир Божий смотреть противно, и действую как будто машинально. Скомандовал рысью вперед, въехали мы в сожженное село — чисто, ни кола, ни двора. Вдруг, видим, из сухого колодца чучело какое-то карабкается... Вылез замазанный, ободранный, упал на землю ничком, причитает что-то по-армянски. Подняли его, расспросили: оказался армянин из другого села; малый толковый. Был по торговым делам в этом селе, когда жители собрались бежать. Только что они потянулись, как нагрянули башибузуки, — множество, говорит, сорок тысяч. Ну, ему, конечно, не до счета было. Притаился в колодце. Слышал вопли, да и так знал, чем кончилось. Потом, слышит, башибузуки вернулись и на другую дорогу переехали. Это они, говорит, наверное, в наше село идут и с нашими то же делать будут. Ревет, руки ломает.

Тут со мною какое-то просветление сделалось. Сердце будто растаяло, и мир Божий точно мне опять улыбнулся. Спрашиваю армянина, давно ли черти отсюда ушли? По его соображению — часа три.

— А много ли до вашего села конного пути?

— Пять часов с лишком.

— Ну, в два часика никак не догонишь. Ах, ты, Господи! А другая-то дорога есть к вам, короче?

— Есть, есть. — А сам весь вострепнулся. — Есть дорога через ущелья. Совсем короткая. Немногие и знают ее.

— Конному пройти можно?

— Можно.

— А орудиям?

— Трудно будет. А можно.

Велел я дать армянину лошадь, и со всем отрядом — за ним в ущелье. Как уж мы там в горах карабкались — я и не заметил хорошенько. Опять машинальность нашла; но только в душе легкость какая-то точно на крыльях лечу, и уверенность полная: знаю, что нужно делать, и чувствую, что будет сделано.

Стали мы выходить из последнего ущелья, после которого наша дорога на большую переходила, — вижу, армянин скачет назад, машет руками: тут, мол, они! Подъехал я к передовому разъезду, навел трубку: точно — конницы видимо-невидимо; ну не сорок тысяч, конечно, а тысячи три-четыре, если не все пять. Увидали чертовы дети казаков — поворотили нам навстречу — мы-то им в левый фланг из ущелья выходили. Стали из ружей палить в казаков. Ведь так и жарят, азиатские чудища, из европейских ружей, точно люди! То там, то тут казак с лошади свалится. Старший из сотенных командиров подъезжает ко мне:

— Прикажете атаковать, ваше превосходительство! Что ж они анафемы, нас, как перепелок, подстреливать будут, пока орудия-то устанавливают. Мы их и сами

разнесем.

— Потерпите, голубчики, чуточку, говорю. Разогнать-то, говорю, вы их разгоните, а какая ж в том сладость? Мне Бог велит прикончить их, а не разогнать.

Ну, двум сотенным командирам приказал, наступая врассыпную, начать с чертями перестрелку, а потом, ввязавшись в дело, отходить на орудия. Одну сотню оставил маскировать орудия, а нижегородцев поставил уступами влево от батареи. Сам весь дрожу от нетерпения. И младенец-то жареный с выкаченными глазами передо мной, и казаки-то падают. Ах ты, Господи!

Ввязались казаки в перестрелку и сейчас же стали отходить назад с гиком. Чертово племя за ними — раззадорились, уж и стрелять перестали, скачут всей оравой на нас. Подскакали казаки к своим саженой на двести и рассыпались горохом кто куда. Ну, вижу, пришел час воли Божией. Сотня, раздайся! Раздвинулось мое прикрытие пополам — направо-налево, — все готово. Господи благослови! Приказал пальбу батарее.

И благословил же Господь все мои шесть зарядов. Такого дьявольского визга я отродясь не слыхивал. Не успели они опомниться — второй залп картечи. Смотрю, вся орда назад шарахнулась. Третий — вдогонку. Такая тут кутерьма поднялась, точно в муравейник несколько зажженных спичек бросить. Заметались во все стороны, давят друг друга. Тут мы с казаками и драгунами с левого фланга ударили и пошли крошить

как капусту. Немного их ускакало — которые от картечи увернулись, на шашки попали. Смотрю, иные уж и ружья бросают, с лошадей соскакивают, амана запросили. Ну, тут я и не распорядился — люди сами понимали, что не до амана теперь, — всех их казаки и нижегородцы порубили.

А ведь если бы эти безмозглые дьяволы после двух первых-то залпов, что были им, можно сказать в упор пущены — саженьях в двадцати-тридцати, если бы они вместо того, чтобы назад кинуться, на пушки поскакали, так уж нам была бы верная крышка — третьего-то залпа уж не дали бы!

Ну, с нами Бог! Кончилось дело. А у меня на душе — светлое Христово Воскресение. Собрали мы своих убитых — тридцать семь человек Богу душу отдали. Положили их на ровном месте в несколько рядов, глаза закрыли. Певчие свои тоже нашлись. Отпели чин чинном. Только священнического разрешения нельзя было дать, да тут его и не нужно было: разрешило их заранее слово Христово про тех, что душу свою за други своя полагают. Вот как сейчас мне это отпевание представляется. День-то весь был облачный, осенний, а тут разошлись тучи перед закатом, внизу ущелье чернеет, а на небе облака разноцветные, точно Божии полки собрались. У меня в душе все тот же светлый праздник. Тишина какая-то и легкость непостижимая, точно с меня вся нечистота житейская смыта и все тяжести земные сняты, ну, райское состояние — чувствую Бога, да и только. А как стали по именам поминать новопреставленных воинов, за Веру, Царя и Отечество на поле брани живот свой положивших, тут-то я почувствовал, что взаправду есть христолюбивое воинство и что война, как была, так и будет до конца мира великим, честным и святым делом.

[1] А.Л. Мариюшкин. Помни войну. Из книги Философия войны. Изд. центр «АНКИЛ – ВОИН» М. 1995 г . с. 139.

[\[2\]](#) Установление всеобщей воинской повинности и указание на призывной возраст.

[\[3\]](#) Установление армейской иерархии.

[\[4\]](#) Родоплеменной (этнический) принцип формирования Армии.

[\[5\]](#) Принцип всеобщей воинской повинности.

[\[6\]](#) Повеление священству не участвовать непосредственно в боевых действиях, а заботиться о походном храме.

[\[7\]](#) Знамя как принадлежность воинского подразделения (ополчения) также Божественное установление.

[\[8\]](#) Во время похода и на остановках святыня находится под особым попечением — в середине колонны или лагеря.

[\[9\]](#) Подавать сигналы, трубить тревогу — это тоже Божественное установление.

[\[10\]](#) Формируется действующая армия для проведения наступательной операции.

[\[11\]](#) Войско в походе сопровождает священник с атрибутами своего служения.

[\[12\]](#) Здесь же свидетельство о том, что был сформирован и офицерский корпус.

[\[13\]](#) М.П. Бок Воспоминания о моем отце. новости. Москва. стр. 153-155.

[\[14\]](#) Эти события послужили для известного писателя Горбунова основой для юмористического рассказа, написанного в стиле официальных донесений XVII века. См. Приложение 1.

[\[15\]](#) Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М. «Современник» 1991 г с.55, 57.